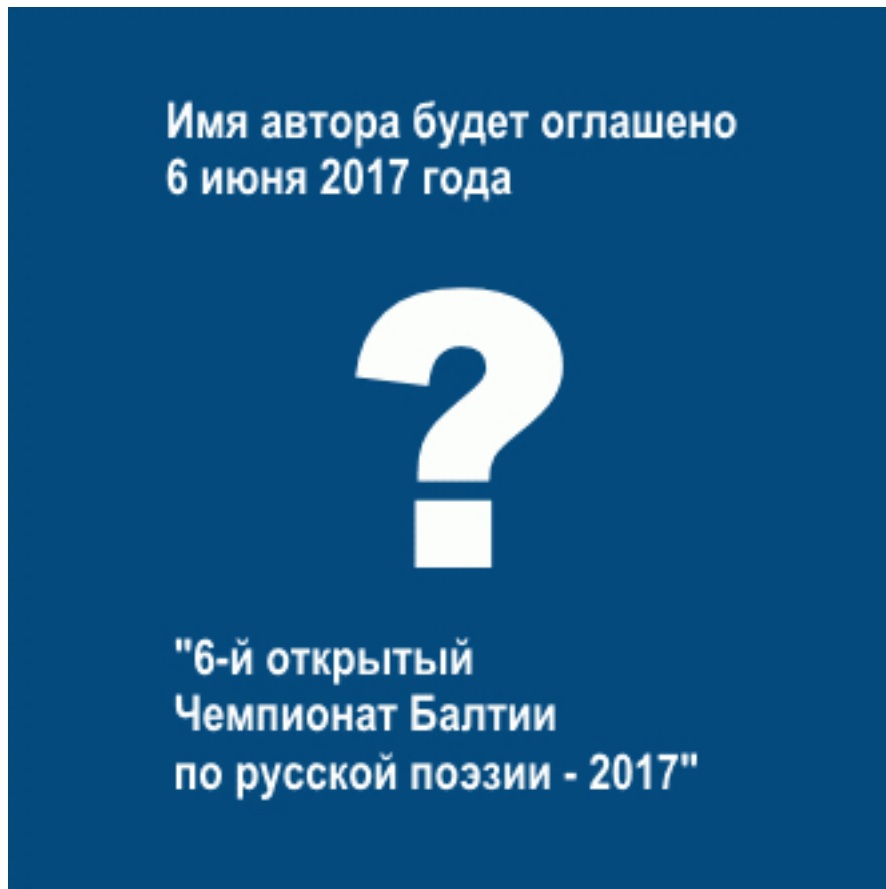

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

* * *

это явью не может быть – жуткий сон
крик негашеная известь слова песок
изо рта стеклом выдуваются пузыри
а у горла лезвие – не ори
перепонки рвёт псов гекатовых ультравой
и растут холмы обезболены трын-травой
под наркозом безумия гибель по одному
не в таких ли снах просыпался когда-то Мунк
муки разные боль все та же хоть век иной
спал спокойно ли плеском вод усыпленный Ной
из глубинной соленой мути всплывают сны
до безжалостности отчетливы и честны
ни имен не выкрикнуть ни молитв
литосферные плиты легче могильных плит
фанатичной любви наизнанку толкуемых вер
кто ответил бы безнадежен ли человек

* * *

□ «Дети мои, вы едете домой», -
□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ Мария Лангталер, 5 мая 1945 г., Австрия.

Среди ночи Мария слышит собачий лай,
да такой, будто адских псов сорвало с цепи.
Кто-то в дверь по-хозяйски ломится: «Открывай!»
Вся деревня охотится нынче, никто не спит.

Пышет яростью и морозом Herr Offizier,
голос зычен, в гортанных звуках угрозы сталь,
и досада плещется на лице,
что добыча была так близко, да не достал.

Далеко, говорит, не ушли, кто-то прячет дичь –
полумертвых двух зайцев из округа Мюльфиртель.
А Мария невинной голубкой в глаза глядит
и клянется – не подбирала ни душ, ни тел.

У крестьянки замужней рассыпан в доме табак.
За сыночков Мария молится каждый день.
Ждет с востока вестей. А пока принесло собак.
Но не чуют исчадия ада чужих детей.

От усердия у облавы носы кровят,
и в крови беглецов утоплен ближайший лес.
Вслух Мария твердит, что солдаты Вермахта сыновья.
Про себя: «И моих, о Господи, пожалей!»

* * *

«Душно. Не разглядишь в потемках, кто здесь лежит.
Прямо у входа – по виду мальчишка, голова забинтована.
Тянет руку: «Сестричка, пить!», а, быть может, «жить».
Сколько их тут? Воздух пропитан болью и стонами.

Вдруг встревоженный голос: «Их много. Идут» (иуд?)
Вспышка. Крепкие парни с деревянными битами.
Какой тарантино чертов снимает это в бреду?
Вспышка. Воронка. Тела. Гроздь крови рябинные.

Рябь. Тошнота. Ломит тело. В затылке тупая боль.
Ветер шлепает по брезенту еловыми лапами.
Птицы поют. Светает. Вчера играли здесь в волейбол.
Дрыхнут мальчишки. У костра засиделись за полночь.

Сон это был, короче», – окурок летит в огонь.
Надежда – турист. «Про госпиталь? Нет, не слышала.
Кто? Партизаны? Каратели? Век на дворе другой.
Тревожить покойников, чтоб укорять Всевышнего?».

В запекшемся глиной котле раздроблены кости и черепа.
Будто вбит с размаху живьем журавлиный клин.
Впрочем, поиск не лирика, а скорее – наука.
Всех нашли под палаточным лагерем. Двадцать пять.
Так всегда: только вглубь от живых копни –
из-под земли человек тянет руку.

Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

Степанов Г. И. Очерки истории философии. М.: Мысль, 1989.

СПА